

текучести, который присущ и застольным песням типа «Кружка», и описаниям женской красоты типа «К Софии», и стихам, посвященным рожденьям, свадьбам или просто прогулкам императорской семьи, и, наконец, медитативным стихам типа «Потопление», «Развалины» или «Философы пьяный и трезвый». Последнее стихотворение представляет собой интересное «расщепление» оксюморона «Кое трезвое мне пианство», с которого Тредиаковский, подражая Буало, начал свою «Оду (. . .) о сдаче Гданска» (теоретически обосновав ее как жанр в 1734 г.).³⁰ Интерес Державина к обновлению приема «совмещения несовместимого»³¹ проявился не только в этом стихотворении, но и в планировке целого сборника: его начало и конец построены на обыгрывании и другого оксюморона Буало, упомянутого последним в рассуждении об элегии, где он говорит о тех ненавистных ему стихотворцах, которые, описывая любовь, называют ее «огонь» всегда «хладным или льдяным» (*feux, toujours froide et glacée*)³² Как бы полемизируя с Буало, Державин начинает свой сборник с трансформации этого клише: обращаясь к «красавицам», он предстает в виде старика,³³ который хоть и «нравиться уж бессилён (. . .) дурен, стар и не умилен», но посвящает им «чувствы», которыми его наделил «любви всесильный бог», «влив» в его кровь «с жизнью самой» их «пламень», а в душу их «силу огня». Итак, в «Приношении красавицам» дан не «хладный пламень» любви, а «хлад старости» в совмещении с «пламенем любви» — оксюморонная связь, подчеркнутая в стихах: «Сыплют искры — снег и камень / Под стопами у меня».

³⁰ См. начальные стихи в «Оде торжественной о сдаче города Гданска», которые сам Тредиаковский счел нужным отметить словами «Оду, которую я сочинил (. . .) отдаю в рассуждение искусным, объявляя им, что я всячески старался пиндаризовать, то есть Пиндару во всем подражать, так что я в ней меч сердитым, а трезвым пианство назвал, и прочие многие, гораздо дерзновенные употребил фигуры, с великолепием невозможным мне слов, по примеру древних *Пиит Дифирамбических*, как то видно из всея *Оды*, а наипаче в четвертой надесять строфе из фигуры, называемая *Гипербола*, которая, хотя и чрезвычайна, и с правдою мало сходна, но *Дифирамбичесества*, чтоб вольно было так сказать, прoderзостнаго законом позволенная» (см. Тредиаковский, 1989 С 539) Другими словами, Тредиаковский здесь говорит о поэтических вольностях ради выражения именно «вдохновения», как правильно отмечает Л. И. Тимофеев в «Примечаниях» в кн. *Тредиаковский В. К. Избранные сочинения* М., Л., 1963 С 486

³¹ Использую здесь выражение А. А. Морозова о литературе барокко — См. *Морозов А. А. Проблема барокко в русской литературе XVII—нач. XVIII века (Состояние вопроса и задачи изучения)* // *Русская литература 1962* № 3 С 3—8

³² Тредиаковский, например, перевел это место следующим образом «Мало быть Пиитом, должно самому любить / Ненавижу тех творцов, кои Музу нудят / Воспевать о сем огне, а себя не взбудят, / Правилем печалась при спокойствии своем, / Всю любовь замерзлу делают при сем» (См. Тредиаковский, 1849 С 43)

³³ К моменту выхода «Анакреонтических песен», он уже разменял седьмой десяток лет